

Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.] – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – С. 80–83.

О.В. Зуева (Минск)

Язык письменников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка

Среди рукописных сборников допетровской Руси представлены письменники – собрания образцовых посланий. Древнейший непередаваемый письменник датируется к. XV в. («Незаглавленный письменник», II и III ред., далее НП), генетически он связан с южнославянским сборником сер. XIV в., составленным при правлении сербского короля Стефана Душана [1] и попавшим на русские земли при митрополитах Киприане или Фотии. От XVI в. известны компиляции из текстов НП, письменник «Посланиям начало» (ок. 1541 г., далее ПН), «Азбушный письменник» (к. XVI в., далее АП). Эти памятники относятся к книжной словесной культуре; содержательно и стилистически они значительно отличаются от образцовых писем XVII в. – примеров бытового общения и демократической сатиры.

Большинство текстов в названных письменниках представляют собой вступительные и заключительные фрагменты посланий; в АП представлены только способы обращения к адресату. Несмотря на малый объем, для изучения истории русского литературного языка письменники XV–XVI вв. важны: они отражают жанровые разновидности средневековых эпистолярных текстов (именно взгляд «изнутри», а не современную классификацию), а также фиксируют примеры языкового употребления, признанные как образцовые самими представителями языковой культуры той эпохи.

Типология посланий в письменниках основана на экстралингвистических параметрах: характеристике адресата или предмете речи, напр.: *к князю, к властелину, ко игумену, к брату* (НП); *послание за вину, избрано от святых книг* (ПН); *к другу в полк, к старцу в обитель, непостоянну другу с посмехом* (АП) и др. Таким образом, сборники предлагают образцы официальных и неофициальных, светских и духовных писем, причем в текстах НП и ПН адресат имеет вышестоящий статус. Разграничение посланий, однако, остается условным, т.к. содержательная часть почти у всех

текстов отсутствует, а наблюдения над подлинным древне- и старорусским эпистолярием показал, что *формулы* зачина нередко обусловлены *характером адресата*, а не типом письма [3, с. 18]. Данные письмовников полностью это подтверждают. Так, в письмовниках клише *челом бьет* и стержневое слово *метание* в формулах приветствия используются только в письмах к светским адресатам; в посланиях же к духовенству употребляется слово *смирennomетание* (формула со словом *метание* отмечена нами в подлинных письмах единично, текст XV в.; оборот модели Y-ку X *смирennomетание* в них вообще отсутствует). Тексты НП и ПН фиксируют постоянные эпитеты, хорошо известные средневековой переписке: князь – *благородный, благочестивый, боговенчаный, Богом почтенный* и др.; священник – *всечестный, добродетелью украшенный, смиренномудрый* и т.д. Обращения, предлагаемые в АП, практически не использовались в реальной эпистолярной практике; в первую очередь это касается образцов обращений к близким, например: *трисоставным светом просвещенному, источнику приснотекущему, другу милосердому* [2, с. 595]. Возможно, читатели этого письмовника воспринимали его не как «пособие», а как художественный текст.

Различия между текстами, обнаруженные на уровне элементов структуры и выражающей их лексики, отсутствуют на уровне грамматики. Во всех текстах НП и АП представлен один тип письменного языка – церковнославянский строгой нормы. В посланиях этого сборника выдержана сложная система претеритов, книжные формы имен, инфинитива, императива, причастий и т.д.: *закоснех, обретох, несмь внесл, велика ти княжения, величьству твоеа святости, о Христе съвършенне помянутися, да пребывает господство ти, преминую сию жизнь Богу благоволящу преходя* и т.д. (как маркированные русизмы отмечены только формы *всякого супостата* и *великого господства*). Из примеров видно отражение II южнославянского влияния. Даже единственное в НП послание брату, очевидно частное, написано книжным языком.

Сборник ПН, более пространный, содержит тексты строгой и сниженной церковнославянской нормы. Снижение нормы происходит за счет включения в послания «от святых книг» формул деловой и бытовой переписки [2, с. 581; 587], что отмечалось нами и в подлинных официальных служебных письмах духовных лиц.

Ученые приходят к неодинаковым выводам о степени влияния

образцовых посланий на манеру ведения подлинной переписки: от утверждения значительного сходства [4] до указания на существенные различия [3] между «эталонными» и оригинальными посланиями. Очевидно, для разрешения противоречий следует учесть типологические различия сравниваемых в каждом случае текстов, т.к. и примеры письмовников, и примеры не ставших образцовыми посланий представляют собой неоднородный тематически, композиционно и лингвистически материал. Изученные нами конкретные послания позволяют утверждать, что сходство их с материалами письмовников является в большинстве случаев концептуальным, а не вербальным.

Лингвостилистический анализ письмовников показал, что различение типов посланий, представленных в них, без знания заголовка текста может быть проведено очень условно. Основной параметр противопоставления текстов – мирской / духовный адресат; этот параметр значим и при анализе распределения формул, причем правомерность этого вывода подтверждают и материалы «обычных» старорусских писем. Тип языка подавляющего большинства посланий – церковнославянский строгой нормы. Реализация этого типа языка в письмах, претендующих на образцовые, не удивительна: она отражает престижность церковнославянского языка для русского средневекового сознания. В реальной эпистолярной практике, однако, названный тип языка использовался ограниченно, преимущественно в частной или официальной духовной и официальной фатической переписке XV–XVI вв. Несоответствие подобного стиля тональности подлинной частной переписки не могло не отмечаться читателями письмовников, что отразилось в пародировании «вычурного» стиля в письмовниках XVII–XVIII вв.

Литература

1. Древнейший южнославянский письмовник третьей четверти XIV века // Русский феодальный архив XIV – первой трети XV века: в 4 т. / под ред. В.И. Буганова; АН СССР, Ин-т ист. СССР. – М.: Ин-т ист., 1986–1988. – Т. 3. – С. 563–570.
2. Демин, А.С. Литературные черты древнерусских письмовников / Демин, А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова / А.С. Демин; отв. ред. В.П. Гребенюк. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 178–219, 571–605.

3. Зуева, О.В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII в. и его место в истории русского литературного языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.02 / О.В. Зуева; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 26 с.

4. Панкратова, Н.П. Из истории частной переписки на Руси / Н.П. Панкратова // Изучение русского языка и источниковедение / отв. ред. В.Ф. Дубровина. – М.: Наука, 1969. – С. 127–155.

4.